

18+

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Проклятия... и другие истории

МИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Евгений Петров

**Проклятия... и другие истории.
Мистические рассказы**

«Издательские решения»

Петров Е.

Проклятия... и другие истории. Мистические рассказы /
Е. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904573-7

В мире много всего непознанного. Кто сможет все объяснить? Кто за это
возьмется? И нужно ли вообще что-то объяснять? Вот в этом-то и вопрос...

ISBN 978-5-44-904573-7

© Петров Е.
© Издательские решения

Содержание

Бабушкины рассказы	6
Солдатка	6
Проклятие	10
Жаба	14
Грибники	17
Совет	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Проклятия... и другие истории

Мистические рассказы

Евгений Петров

© Евгений Петров, 2021

ISBN 978-5-4490-4573-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабушкины рассказы

Солдатка

– Митька, обедать! – крикнула во двор Таисия, подзывая сына.

Она, напрягая мышцы, одним движением выхватила из огненного зева печи, слабо дребезжащий на ухвате, чугунок с картошкой и поставила на застеленный старенькой, но чистой скатеркой стол. Доски столешницы слабо прогнулись от призывной тяжести. Картошка ароматно парила, наполняя горницу душистым запахом. Таисия судорожно сглотнула набежавшую слюну и непроизвольно покосилась на висевшую на стене фотографию. Молодцеватый мужчина в ладно пригнанной форме снисходительно улыбался молодой женщине. Женщина тяжело вздохнула и присела на краешек лавки, опустив натруженные руки на стол.

На пороге комнаты появился взлохмаченный мальчишка. Словно солнечные брызги озарили избу от радостной рожицы и соломенно-желтых, выгоревших за недолгое, но жаркое, лето волос.

Митька стремительно рванулся было к столу. Быстрые пальцы матери ухватили его за ухо.

– Куда это ты наострился? – с нарочитой строгостью проговорила она, поворачивая голову постреленка в сторону рукомойника, – А кто руки мыть будет?

– Да ты что, матушка, – Митька тщетно пытался вырваться из материнских рук, – они же совсем не грязные. Вот, смотри, – он демонстративно вытянул вперед ладони. Взгляд мальчишки упал на серые от осенней земли пальцы, – Ой!

– Вот тебе и «ой», – усмехнулась Таисия и слегка подтолкнула сына в спину, – иди уже, умывайся...

Женщина снова взглянула на фотографию. «Ну, как, правильно я делаю?» Ей показалось, что ее Феденька ласково улыбнулся. На душе сразу полегчало.

1916 – Третий год Германской войны...

А весточки приходят до того редко, что иной раз даже руки опускаются. Последний раз только летом маленькую записочку с безногим солдатом из соседней Ольховки прислал. Писал, что все хорошо. «Неужели так трудно черкнуть еще хоть пару слов, грамотный ведь – один из немногих в деревне»...

Митька поспешно подошел к матери, ласково прижался влажной головой к рукам, словно осознавая ее состояние.

«Все будет хорошо, – словно бы говорил вихрастый затылок, – вот увидишь».

– Ах, ты подлиза, – Таисия нежно потрепала сына по волосам, – Бате такое не понравилось бы...

– Как это не понравилось бы, – Митька резко вскинулся, глаза стрельнули по фотографии отца, – Он у нас добрый, хороший. – Митькины глаза предательски заблестели.

– Да ты что, сынок, – всполошилась Таисия, – Вот разобьет наш батька кайзера германского и вернется. И снова будем жить как прежде, как до войны.

– Да, мамочка, конечно, – Митька склонился над чугуном вылавливая пальцами горячую картошку.

Он, остужая, бережно перекидывал горячий клубень с руки на руку.

– Хватит баловаться, ешь-ка уже давай.

– Так горячо же...

– Привыкай, мужиком растешь. Думаешь ему, – она кивнула на мужнин портрет, – легче?

– А вот Семен Степаныч говорит, что эта война неправильная, – набив полный рот рассыпающейся картошкой, проговорил Митька.

– Неправда это, – сердито отозвалась Таисия, с трудом удержавшись, чтобы не дать сыну подзатыльник.– Не мог мой Феденька за неправоное дело воевать...

– Не больно-то его и спрашивали, – еле слышно, чтобы мать не услышала, проговорил сын, опуская голову.

Таисия снова посмотрела на фотографию. «Феденька, хоть бы ты что сказал, – взмолилась женщина, – Подскажи...»

Неожиданный порыв ветра заставил задрожать стекла. Женщина испуганно повернулась к окну.

– Ничего страшного, – попытался приободрить мать Митька, а сам непроизвольно сжался.

Крупные капли дождя стремительно забарабанили по ветхой крыше. Серые мрачные струи с силой ударяли в землю, взбивая грязно-черные фонтанчики. Улица и двор моментально раскисли.

– Ну вот, – тоскливо проговорил Митька, – а мы с ребятами собирались идти в лес грибов пособирать. Сейчас как раз опята пошли...

– Успеете еще. Осень только началась.

Митька затравленно посмотрел на мерзкую серую стену дождя и обреченно вскарабкался на печь.

Таисия неспешно убрала со стола, ссыпала крошки в плошку домового, по старинному обычаю, и пристроилась к столу. Голова трагически опустилась на подставленные ладони. Голубые, с легкой золотинкой глаза уже в который раз устремились к фотографии. Смотреть на нее уже года два стало привычкой. Вот так посмотришь, бывало, и словно Феденька опять рядом. Словно гладит ее по русым волосам, перебирает косу. И словно говорит: «Ну что же ты, милая, я с тобой. Я никуда от тебя не денусь. Не кручинься, любимая...»

За окном стремительно темнело.

Митька на печи перестал беспокойно ворочаться, шумно вздохнул и сладко засопел. Убаюкал его несмолкаемый шум дождя.

– Вот и славно, – проговорила Таисия и чему-то тихонько улыbnулась.

Отдельные капли начали проникать сквозь ветхую крышу, наполняя редкими звуками тишину вечерней избы.

За окном неожиданно послышались тяжелые хлюпающие шаги. Неуверенный стук раздался у двери.

– Кто это там в такую непогодь? – женщина прошла в сени и осторожно открыла дверь.

Тут же ее обхватили крепкие мужские руки и прижали к груди.

– Отстань, окаянный, – беспомощно замолотила она маленькими кулачками.– Мужняя я...

– Да ты что, Таюшка, – прозвучавший голос показался до невозможности знакомым.

Женщина подняла голову, и отчаянный взгляд наткнулся на такое родное, почти забытое, лицо мужа.

– Феденька мой, – она всхлипнула и вдруг залилась слезами.

– Успокойся моя родная, – Федор как мог бережнее обнял жену и повлек в горницу.

От промокшей шинели пахло костром, дымом и чем-то горьковато кислым.

«Порохом...» догадалась женщина.

– Родной мой, милый, – беспрестанно повторяла она.

Вдруг засуетилась.

– Раздевайся, я сейчас покормлю тебя, – она метнулась к печи, – Митьку бы разбудить...

Крепкая мужская рука перехватила ее на полдороге.

– Охолонись, – голос прозвучал несколько строго, – незачем мальчика тревожить. Пусть поспит.

– Да как же? Батяка приехал, а он будет спать...
– Пусть поспит, – возразил Федор, – я совсем ненадолго. Меня там, – он махнул рукой в сторону, – парни наши ждут...

– Какие еще парни? – вскинулась Таисия.

– Наши фронтовые, – терпеливо пояснил Федор, – Мне к ним еще вернуться надо...
Давай просто побудем вдвоем.

Он нежно прижал Таисию к себе.

Женщина облегченно прильнула к нему, стараясь поглубже вдохнуть родной запах.

– Ужинать будешь? – с робкой надеждой спросила она.

– А как же, – усмехнулся он и сбросил промокшую шинель на лавку, – Тащи все что есть.

Она счастливо рассмеялась.

– Тогда иди мой руки... А то Митька тоже постоянно об этом забывает...

– Я не забуду...

Шумно заплескалась вода, сверкающими брызгами разлетаясь в свете горящего фитилька. Ради дорогого гостя Таисия не поскупилась и вытащила дорогие свечи.

– Корми, – Федор по-хозяйски уселся за столом.

Еще не остывший чугунок снова появился на столе.

Таисия всплеснула руками.

– Может подогреть? – она посмотрела в лицо мужа сияющими глазами.

Федор шумно вдохнул сладковатый запах вареной в мундире картошки. Огрубелая рука вытащила солидную картофелину, темный палец с крепкими ногтями старательно отделяли тонкую кожицу, обнажая желтовато-белую рассыпчатую мякоть.

Таисия удовлетворенно смотрела на насыщающегося мужа...

– Все, – он поднялся и нежно привлек жену, – Пойдем в кровать...

Таисия счастливо принимала мужнины ласки.

– Как там на фронте, – внезапно отстранилась она и тревожно посмотрела на мужа.

Мужчина словно окаменел.

– Тяжело, – наконец выговорил он, – война – она и есть война, – он тяжело помолчал...
Давай не будем об этом. Я не хочу говорить о фронте. Давай лучше – о нас.

– Да, конечно, давай о нас... – прошептала она и радостно прижалась к сильному телу Федора.

Дождь за окном неожиданно усилился. Казалось, еще чуть-чуть, и тугие струи пронзят крышу насквозь.

На печи беспокойно заворочался Митька. Таисия блаженно прильнула к Федору. Тело внезапно охватил леденящий холод. Женщина испуганно сжалась под одеялом.

– Не бойся, – мягко проник в нее шепот, – все хорошо. И все будет хорошо.

– Да? – в голосе женщины послышалась какая-то детская обида.

– Конечно, моя милая. Я же с тобой.

Широкая ладонь Федора медленно и нежно прошлась по телу женщины. Тело непроизвольно вздрогнуло и расслабилось.

А он все наглаживал и наглаживал ее, шепча на ухо ласковые и нежные слова...

Наконец Таисия сладко уснула...

***

Разбудил ее солнечный луч – яркий и светлый, необычный для этого времени года. От вечернего дождя не осталось ни следа. И даже земля не по-осеннему быстро высохла.

Женщина сладостно потянулась. Обернулась к Федору.

Сердце екнуло. Половинка кровати, на которой вчера блаженно лежал муж, была девственно пуста.

Таисия встрепенулась и вдруг явственно услышала стук.

– Вернулся! – вскрикнула она, выбегая как есть, в ночной рубашке, в сени.
На пороге стоял незнакомый солдат в потрепанной шинели.
От неожиданного испуга женщина вжалась в угол.
– Вы кто?
– Таисия Михалева? – вместо ответа спросил он.
Она только смогла кивнуть.
Мужик неловко стащил с головы шапку.
– Твой муж – Федор Михалев – погиб.
– Не-е-ет! Он же вчера был здесь...
– Он погиб еще летом во время вылазки австрияков...
А на тропинке медленно исчезали, растворялись вечерние следы Федора...

Проклятие

– Нет, Андрейка, что ни говори, но ты большой трус, – ладонь ударила по дощатой лавке, – тебе не справиться со своим страхом. Боишься ты всякой нечисти.

Парнишка понимал, что Мишка приходил неспроста. Все парни деревни досаждали ему за то, что он, в отличие от остальных, никогда не тешился в кулачных забавах, не участвовал в штурме ледяного городка под масленицу. Все сердце юноши сжималось от страха при одном упоминании о нечистой силе. Вот так и вырос он, всего на свете опасаясь.

– С чего ты это взял? – Андрейка хмуро посмотрел на собеседника. – Да я, если хочешь знать, в полнолуние все наше кладбище обошел.

– Ерунда! – Мишка пренебрежительно отмахнулся. – Что нам могут сделать покойники? Они не встанут из своих могил.

– Ну да, – заспорил Андрейка, – ночью они ходят и всех прохожих к себе забирают.

– Ага, и ты прямо-таки пошел к ним на встречу? Ни за что не поверю.

– Не веришь, так не верь...

– А врать не мешай, – продолжил Мишка, – Да ты и из избы ночью не выйдешь, не то, что куда-то пойти.

– Да я любой нечисти хвоста накручу, – запальчиво произнес Андрейка, хотя внутри у него все сжалось от необдуманного обещания.

– Добро! Сегодня ночью пойдешь в заброшенную баню. Вот тут-то и проверим твою храбрость.

– А что там в бане?..

Эта баня издавна пользовалась среди односельчан дурной славой. Говорили, что ночами ее посещает нечистая сила. Редко, кто по своей воле пройдет мимо покосившейся избышки в ночное время. А уж провести в ней ночь!..

– Просидишь до утра – увидишь, – Мишка рассмеялся.

Он порывисто поднялся со скамьи и, весело посвистывая, направился прочь от озадаченного Андрейки. Андрейка остался один.

Что они там задумали? Что же делать?

Юноша принялся колоть дрова. Злость на себя самого распирала. Он с усилием втащил полено на колоду. Взмахнул тяжелым колуном. Хрясь! Колун врубился в вязкую древесину. Андрейка с усилием вытащил застрявшее лезвие. Снова взмахнул. В следующий удар вложил всю силу, представив, будто крушит враждебные человеку темные силы. Полено, крикнув, раскололось. По боку пробежала трещина.

Хрясь! Хрясь!

Половинки полена разлетелись в разные стороны, с шумом вломившись в кусты крыжовника.

Андрейка выволок из-под колючих ветвей половинки, снова поставил на колоду.

Хрясь! Из-под колуна брызнули весело блестящие на солнце белые щепки.

Горка расколотых полешков постепенно росла.

– Привет, Андрей, – крикнул из-за забора Сашок, – Говорят, ты Мишке обещал, что пойдешь в баню ночевать.

– Ну... – хмуро отозвался Андрейка.

– И чо, не забоишься?

– А чо там бояться? – нарочито бодрим голосом проговорил Андрейка, – Как есть пойду.

– Давай, давай, а мы поглядим, как это у тебя получится. Ха-ха-ха!

Сашок убрался восвояси.

– Чтoб вас всех, – пробормотал юноша, затравленно поглядывая ему вслед.

За окном уже смеркалось. Вот незадача. Дернул его черт согласиться на такое испытание. А вдруг какой баенникспоймает. Куда тогда деваться? И не пойти нельзя: совсем проходу не дадут. Скажут: «Ага, мы же говорили, что ты трус.» Все девки и парни будут пальцем указывать.

– Андрейка, готов? – за окном послышались голоса парней.– Выходи!

Юноша медленно вытащился к ним. Луна освещала деревенскую улицу мертвяным светом. Лица собравшихся казались белыми в неверном свете. «Будто покойники, – мелькнула беспокойная мысль. – Может, превратить все в шутку?» Андрейка обвел взглядом лица парней. Глаза их светились нетерпеливым ожиданием. Нет, не получится. Они все так и ждут, что он испугается и откажется.

– Я готов, – тяжелый как наковальня язык еле шевельнулся во рту.

Андрейка заставил деревенеющие от страха ноги сделать шаг. Он тяжело пошел вперед, направляясь к готовому развалиться строению. Ноги отказывались двигаться, но он с огромным усилием заставлял их переступить по слабо светившейся дорожке.

Банька все ближе и ближе. Казалось, что из трубы вьется дымок. Из тесных окошек тянутся костлявые руки. Юноша затравленно обернулся назад. Дома тепло, надежно. Вот бы вернуться...

– Давай, что же ты! – голоса парней звучали приглушенно, словно из-под слоя ваты. Они поотстали.

«Ага, сами боитесь, злорадно подумал Андрейка, ну я вам сейчас покажу!».

В кромешной тьме рука нащупала холодную ручку. Петли протяжно заскрипели, открывая дощатую дверь. Изнутри тянуло сырым холодом.

Андрейка пригнул голову и заставил себя перешагнуть высокий порог. Дверь с оглушительным стуком захлопнулась за его спиной. Ой, мамочки, мои! Он широко раздвинул руки в черноте, ощупью двинулся вперед. Ладонь скользнула по чему-то мягкому, сырому. Сердце учащенно забилося. Что это? Он осторожно опустил на влажный полоч. Хлюпнула вода где-то под ногами. Он почувствовал, что волосы начали подниматься дыбом.

Сзади послышались шорох, чье-то дыхание. Господи, там же стена!

Чьи-то холодные руки обхватили его.

Андрейка набрал в грудь воздуха для истошного крика.

– Не шуми, – обволакивающий шепот легко коснулся его ушей.

– Кто ты?

– Я? – ледяные ладони мягко поглаживали вспотевшую спину.– Ты должен мне помочь.

– Что мне надо сделать? – с трудом выдавил парень, сотрясаясь от дрожи.

– Обещай, что возьмешь меня в жены...

– К-конечно, я с-согласен...

– Хорошо, – шепот стал нежнее, – завтра в полночь приходи на яр возле реки и жди меня.

Только не отказывайся от своих слов...

– Об-обязательно б-буду.

– Смотри у меня...

Забрезжил серый рассвет.

Андрейка, спотыкаясь, вывалился из бани. Грудь тяжело вздымалась, наполняя легкие свежим утренним воздухом. Ноги сами понесли его прочь. Что за нечисть его подловила? Не помня себя, юноша направился на горушку, где стояла небольшая деревенская церковь.

Отец Николай – священник небольшого деревенского прихода встретил испуганного паренька на пороге.

– Что с тобой, сын мой? На тебе лица нет.

– Помоги, батюшка, – повалился ему в ноги Андрейка.

– Да в чем дело-то?

– Не знаю, как мне поступить.

– Ну-ка рассказывай, что натворил, – голос отца Николая обрел суровые нотки.

– Пообещал я неведомо кому взять ее замуж, – застенчиво переминался с ноги на ногу Андрейка.

Слово за слово, рассказал Андрейка обо всем происшедшем.

– В общем, пообещал я выполнить просьбу.

Отец Николай задумчиво взял бороду в кулак. Глаза его пытливо разглядывали дрожащего от страха парня. Всем хорош парень.

– Помогу я тебе, юноша, – наконец произнес старый священник.

С этими словами снял он со своей груди тяжелый серебряный крест.

– Возьми этот символ христианской веры. Когда неведомая девушка встретит тебя на берегу, поспеши накинуть ей на шею цепочку от креста. А сам не отпускай! Там будет видно...

Направился Андрейка к реке. Величаво катила она свои волны за околицей деревни. Промышляли деревенские рыбкой в ее водах. Раскидистыми ивами поросли крутые берега. И лишь в одном месте высоко вздымался обрывистый берег, затененный ивами. Вот тут-то на яру и просила она ждать.

Обошел Андрейка яр. Осмотрелся. Сел на высокий бережок и приготовился ждать свою суженую. Бешено колотится сердчишко. Рукой сжал тяжелый крест так, что костяшки пальцев побелели.

Вот, словно шаги прошелестели за спиной. Дернул головой Андрейка, в надежде увидеть нареченную невесту.

– Не оглядывайся, – строго прошептал знакомый голос.

Замер юноша, как скала каменная. И пальцем шевельнуть не смеет.

Холодные руки опустились на его плечи. Опять пронзило морозом все тело. Гладят руки плечи. Вот уже шею захватили ледяные пальцы, к горлу подбираются... А на Андрейку оцепенение нашло. Даже шелохнуться не может. Лишь испуганные мысли разбегаются в голове. Крест! Крест!..

Страхнул Андрейка оцепенение, резким движением закинул цепочку креста на шею. Вскрикнула нежить яростно, вцепилась пальцами в цепочку и обмякла.

Не веря себе, обернулся Андрейка. И увидел прекрасную девушку. Волосы ее цвета расплавленного золота опустились на белоснежные плечи. Ярко-голубые глаза смотрели прямо и доверчиво. Шевельнулись чувственные губы.

– Ну, что смотришь? Холодно мне.

Только тут юноша заметил, что девушка совсем не одета.

– Ой, прости меня.

Скинул он с себя рубаху, закутал девушку.

– Подожди меня тут, я сейчас.

Быстрее ветра сбежал Андрейка с обрыва. Ошалело пронесся по деревенской улице. Люди подумали, что с ума парень сошел. Лишь Авдотьян ребенок заорал шибче обычного.

Не отвечая на вопросы домашних, бросился к большому материнскому сундуку, раскидал все вещи, нашел нечто подходящее и рванулся обратно.

– Куда ты, сынок, – всполошено бросилась за ним мать.

Не успела. Вихрем промчался Андрейка обратно. Прибежал на яр. Не видно нигде девушки.

– Где ты? – навернулись на глаза слезы.

Вышла девица из-за дерева.

– Спасибо тебе, Андрей. Не откажешься от своего обещания?

– Да ты что? – даже опешил парень, – конечно же, нет!

Бережно обнял ее за плечи.

– Пойдем ко мне домой. Матушка рада будет.

Начали они потихоньку спускаться в деревню. Услужливо бросилась под ноги тропинка. Деревья нежной листвой провожали молодых людей, мягко покачивая ветвями, солнце пустило ласковый луч, согревая иззябшее тело девушки.

Деревня встретила их завистливыми взглядами.

– Откуда ты отхватил такую красоту? – воскликнул появившийся Мишка.

Неожиданно девушка насторожилась. Послышался громкий плач.

– Что это? – растерянно повернулась она к Андрейке.

– Это в избе тетки Авдотьи. Вот уже почти двадцать лет, как сказывают, этот ребенок почти не перестает орать. Да, и не растет совсем.

– Пойдем туда, – в глазах девушки блеснула грустная слезинка.

Свернули молодые люди к некогда добротному дому. Подошли к самому крыльцу. Надрывистый плач, казалось, заползал в самое нутро.

– Может не надо беспокоить бедную женщину? – тихо попросил Андрей.

– Надо, – девушка решительно постучалась в дверь.

На порог вышла измученная Авдотья, отирая передником красное лицо.

– Никак не угомонится, – жалобно проговорила она и прислонилась к дверному косяку, поправляя выбившуюся прядь волос.

– Матушка, – внезапно склонилась девушка, – я дитя ваше.

Авдотья покачнулась.

– Да как же это? – напряженный взор ее обратился в горницу, где благим матом орал ребенок. – Вот же дитячко мое. Двадцать лет его обихаживаю...

Девушка, отодвинув несчастную, прошла в комнату.

– Дай топор, – обернулась она к Андрею.

– Топор? Зачем?

– Увидишь.

Она взяла топор и, широко замахнувшись, направилась к колыбельке.

– Не-ет! – Авдотья бросилась к ребенку.

Но было уже поздно. Лезвие топора, сверкнув, опустилось на детскую головку. Авдотья обессилено опустилась на ближнюю лавку. А вместо ребенка на смятой простыне лежало сучковатое полено.

– Вот так-то вот! – произнесла девушка и выронила топориче.

– Да как же это? – причитала Авдотья.

– Матушка, ты была кем-то проклята. Вот и подменили тебе ребенка. А настоящая дочь твоя – это я.

– Настенька моя, – ноги женщины подкосились, и она грузно рухнула на пол.

Жаба

Деревушка наша Пихтовка стояла на излучине. Небольшая деревенька – всего несколько дворов. Домики все ладные, крепкие, старинными узорами разукрашенные: ну там наличники, ставенки, охлупни. В общем, все – как положено по старому закону. Речушка – Веснянка – была хоть и невелика, но чиста и достаточно глубока, особенно возле меленки, где в омуте водились сомы. А на берегу зелеными косами покачивали стройные березки.

Сейчас-то там уже ничего нет: ни Пихтовки, ни Веснянки. Затопило нашу сторонушку при постройке электростанции.

А в недавние-то времена, в нашей-то Пихтовке жизнь проходила радостно.

Особенно веселые гулянья проходили в мае, когда вся наша природа оживала после зимней спячки. На березах появлялись нежные, клейкие листочки. Слово легкой дымкой подергивались веточки. Ясное солнышко согревало землю нашу – кормилицу.

Выходили в майские солнечные дни на крутояр парни и девчата. Девушки плели венки из первых одуванчиков. Одаривали этими веночкам ими своих избранников. Радостно смотрели на них старики, вспоминая свою молодость.

Вот и в этот раз все проходило, как обычно...

Майский денек был на редкость теплым, словно лето поспешило прийти раньше срока. Собралась молодежь на крутом берегу Веснянки. Ласково и радостно сверкали на разлившейся речушке блики. Веселье било ключом. Песни, хороводы.

Парни за девчонками ухаживали. Каждый старался себе пару найти...

Наиболее ладной была пара Николы и Оленьки. Собирались они по осени свадебку изладить. В ожидании радостного события Оленька и Никола почти не разлучались. Видный парень – Никола. Многие девчата на его заглядывались, но выбрал он Оленьку.

С сожалением отстали от молодца девчата.

***

– Никола, не хочешь ли пройтись со мной? – темноволосая и черноглазая девушка Меланья взяла парня под руку. Она все никак не могла успокоиться, все Николу от Оленьки отбить пыталась.

– Да ты что, сдурела, – Никола резко отдернул руку, – сейчас Оленька придет.

– Ну и что? Скажешь ей, что ты решил меня выбрать, – она всем телом прижалась к нему. Жаром опалило грудь парня. С трудом высвободился от навязчивой девушки.

– Шла бы ты да ехала от меня подальше...

– Что ж ты так со мной общаешься? Чай не страшная я, не противная.

– Не противная, конечно, но не нужна ты мне. Понимаешь, не нужна. Я Оленьку люблю.

– Противная эта Олька! – вспыхнули глаза у Меланьи. – Ни кожи, ни рожи...

– Понимала бы чего, – вспылил Никола и резко оттолкнул ее.

Отступила Меланья на несколько шагов назад, оступилась нога, чуть не упала. Вспыхнули яростным огнем темные глаза.

Хорошо, Никола не глядел в этот момент на Меланью, а то наверняка бы испугался – до того хищным и отталкивающим стало выражение ее лица.

– Попомнишь ты еще свой удар, – злобно прошипела она сквозь зубы, – Аукнется это тебе!

– Что это она? – удивленно подошла к милому Оленька.

– Да ничего... – Никола нежно поцеловал девушку. – Сдурю бесится, что не пошел с ней к Веснянке.

– А чего это ты с ней должен идти? – Оленька наклонила голову к плечу.

– Она все надеется, что я тебя брошу и к ней перебегу.

Оленька лукаво посмотрела на парня.

– А что есть желание? Она ведь девчонка-то красивая...

– Глупенькая ты моя, – он обнял ее и ласково привлек к себе, – никто мне, кроме тебя, не нужен.

***

– Будьте вы прокляты! – прошипела Меланья, наткнувшись на округливший живот Оленьки взглядом, и торопливо пошла прочь, увязая в выпавшем за ночь снеге.

Оленька вздрогнула, запахнулась плотней в шубу и поспешила домой, к мужу.

– Что с тобой? – Никола встревожено отложил в сторону топор, которым отесывал новый черешок, и бережно взял жену за плечи.

– Эта Меланья все никак не угомонится, – всхлипнула Оленька.

– Что опять, – голос мужа посуровел. – Опять она тебе что-то сказала?

– Она... – из глаз женщины выкатилась крупная слеза. – Она... прокляла нас.

– Глупости это все, – отмахнулся Никола.

– Бабку Меланьину, Анфису, всегда колдуньей считали...

– Да брось ты, – опять отмахнулся муж. – Какая там колдунья?

– И глаз у нее темный, злой, – продолжала Оленька, – как бы она чего нашему маленькому не сделала...

– Ничего с нашим ребетёночком не случится, – уверенно проговорил Никола, снова принимаясь за работу.

Оленька тихо прошла в избу.

Никола остался один. Пробовал продолжить начатое дело, но ничего не получалось: слова жены все никак не выходили из головы.

Сплюнул молодой человек, откинул топор в угол и направился в горницу к супруге. Скрипнула встревожено дверь, мелькнула свежепобеленная печь, сдавленно вздохнула скамья под опустившимся на нее телом мужчины. Никола обнял жену, широкие ладони легко провели по тугому шару живота. Маленький человечек внутри, словно почувствовал руку отца, сильно ударил ножкой.

– Ой, – вскрикнула Оленька, – он уже узнаёт тебя.

– Конечно, – улыбнулся Никола. – Чай, не чужой я ему...

– А почему ты думаешь, что это он? – поддразнила Оленька, охватывая ладонями животик.

– Он... – рассмеялся Никола, – потому что... ребенок!

– Опять выкрутился, – деланно возмутилась Оленька.

Неожиданно лицо ее побледнело. Толчки становились все чаще.

Дверь в избу распахнулась, и в клубах морозного воздуха в горницу ввалился дед Михай.

– Как у вас тут делишки? – он заговорщицки подмигнул Николе.

– Дядя Михай, – вскинулась Оленька, – выручай...

– А что случилось?

– Рожаю, дядя Михай, – выговорила она, едва шевеля побелевшими губами.

Никола резво вскочил со скамьи и, растерянно оглядевшись, метнулся было к двери.

– Не трепыхайся, – деловито осадил его Михай. – Я сейчас к Васильевне, а ты, мил парень... ты веди-ка женушку свою в Андрейкину баньку.

– В баньку? – брови Николы взметнулись до середины лба. – Зачем?

– А куда еще, – на ходу отвечал Михай, спешно запахивая полушубок, – Там сейчас тепло, вода горячая...

Никола набросил на плечи жены шубку и понес в сторону бани.

Вскоре показалась Васильевна. У Николы с души спала тяжесть. Как-никак лучшая на всю округу повитуха.

– Все – вон! – резко проговорила толстушка.

Никола с беспокойством заставил себя покинуть Оленьку, оставляя ее наедине с Васильевой.

– Надо бы мужиков позвать, – озабочено почесал голову под треугохом Михай.

– Зачем это? – недоуменно уставился на него Никола.

– Да то что, паря, ни хрена не понимаешь? – дед укоризненно покачал головой. – А кто твое дитя от нечисти оберегать будет?

– Да брось ты, дед Михай. Какая такая нечисть?

– Не спорь со старшими. Нос не дорос. Так старинный обычай требует.

Через некоторое время вокруг баньки утапывали пушистый снег шестеро крепких мужиков.

– Вот и славно, – дед Михай удовлетворенно хмыкнул и обратился к Николе, – скоро отцом ста...

Договорить он не успел.

– Сюда!!! – раздался истошный крик Васильевны.

Толкаясь, мужики ринулись в баню. Остолбенели на пороге.

Из чрева молодой женщины вывалилось нечто невообразимое. На ребенка это явно не походило... Крупная слизко-зеленая жаба!

– Да не стойте истуканами, – возопила повитуха, – хватайте это чучело!

Мужики подхватились, кое-как взяли ускользящее из рук чудище за лапы и с трудом пропихнули в раскрытое зеву печи.

– Заслонку! – истошно завопил Михай неожиданно тонким голосом. – Заслонку закрывай!

Гигантская жаба отчаянно сопротивлялась.

– Держите! – кричала Васильевна. – Не давайте этой нечисти выйти наружу!

Чудище рванулось с такой силой, что чуть не отшвырнуло дверку.

Уперлись мужики в высокий порог и бревном ее удержали.

Еще один рывок!

Высунулась из печи сизо-зеленая лапа...

С усилием даванули мужики на заслонку. Лязгнул металл.

– Засов накинь, – прохрипел сквозь зубы Михай.

Никола рванул тяжеленную пластину, вводя ее в предназначенный паз.

Низкий жалобный вой пронесся над деревней... и все стихло.

– Уфф, – устало вытирая пот, мужики опустили на пол.

Никола обернулся с Оленьке.

Перед ним стояла Васильевна, держа в руках хрупкое тельце.

– Мальчик у тебя, папаша...

Грибники

Лес на правом берегу Веснянки напротив Пихтовки всегда был светлым и радостным. Сосновый бор плавно переходил в ельнички да осинники. Не чащоба какая-нибудь – реденький, но добычливый. Если кто из деревни и выбирался по грибы да по ягоды, без добычи никогда не возвращался. Нужно только знать заветные места, которых достаточно много, чтобы все жители Пихтовки оставались довольными.

Вот и в этот раз день выдался на редкость теплый и солнечный. После недавних, шедших почти без перерыва целую неделю, дождей грибы так и должны бы прямо вылезать навстречу солнцу.

– Ну, что, сынок, двинем по грибы, – Никола высоко подбросил четырехлетнего Данилку. – Самое для них время.

– У’а! – завопил малец и бросился к матери. – Мамка, а мы по г’ибы соби’аемся.

– Хорошо, – ласково улыбнулась мать, – только не задерживайтесь.

– Где уж тут задержаться-то, – Никола обнял жену, притянул к себе и ласково поцеловал, – полтора дерева в леску. Там даже бродить-то особо негде.

Сказал и направился к мостику через Веснянку. Данилка взвизгнул и стремглав бросился за ним.

Доски моста весело пружинили под ногами. Правый берег постепенно приближался. Данилка пристально глядывался в зубчатый лес, который как в зеркало всматривался в свое отражение. Лучи солнца дробились, ярко сверкая на мелких речных волнах.

Вот и мост сменился ровной укатанной многочисленными колесами дорогой, тянувшейся вдоль опушке и постепенно удаляясь от реки.

– Вот тут и свернем, – удовлетворенно произнес Никола и взял сына за руку.

Придорожные кусты легко расступились перед людьми. Прошелестели ветви редкого тенистого подлеска. Грибники вошли в светлый солнечный бор. Стройные сосновые стволы протянулись к небесам. Под ногами мягко прогибался пышный белесоватый мох. Землю устилал слой сухой хвои. Звонко распевали различные птички. Вот прострекотала черно-белая сорока, пролетая почти над самыми головами. По ближайшему стволу бронзового цвета стремительно пробежала белка. Она остановилась на небольшом суку и уставилась на путников черными бусинками глаз.

Глазенки мальчишки распахнулись во всю ширь. На лице появилась мечтательная улыбка. Где-то чуть вдалеке прозвучал стук дятла. Кукушка кому-то методично отсчитывала годы.

Никола поднял сухую палку, уже серую от времени.

– А зачем это?

– Эх, раньше надо было начинать тебя в лес водить, – еле слышно вздохнул Никола.

И тут же чуть громче ответил, – Грибы искать...

– Ага. А где г’ибы?

Данилка принялся старательно озираться вокруг.

– Ты не там смотришь. Искать надо на земле.

Никола осторожно приподнял слегка вздыбленный мох. Перед глазами грибников предстали коричневые склизкие шляпки маслят.

– А теперь посмотри туда.

Данилка бросился в указанном направлении. Через мгновение он примчался обратно, сжимая в руках пару крепких боровиков с пушистыми, словно бархатными, шляпками.

– Как ты их находишь?

Никола внутренне усмехнулся, припомнив прибаутку, слышанную еще в детстве. Потом наклонился к самому уху мальчика.

– А ты их позови.

Данилкины глаза округлились.

– Это как?

Никола широко улыбнулся.

– Назови их по имени. Скажи, что ты ждешь их...

И тут же послышался звонкий голосок мальчишки:

– Г'ибочки, идите ко мне! Я ищу вас...

Сразу же вслед за этими словами, словно по волшебству, невдалеке появилась пара крупных крепких белых. От удивления Никола даже присвистнул. Чуть поодаль виднелось еще несколько.

– Г'ибочки. Г'ибочки... – неустанно повторял Данилка.

И они появлялись, и все один к одному, ровные крупные, совсем, такие как на иллюстрациях в книжках. Корзинки грибников начали быстро наполняться.

Никола охватил азарт. Еще грибы.

И еще...

И еще...

– Г'ибочки, – снова пронеслось между стволами.

Ельничек впереди.

«Посмотреть в нем, и можно отправляться домой».

– Я устал, – внезапно захныкал Данилка. – Пошли домой...

– Еще немного, и пойдем...

Между тем, грибы уже не входили в корзинки.

– Пошли до-о-омой, – еще немного и польются слезы.

– Ладно пошли, – Никола с сожалением посмотрел на оставшийся не просмотренным ельник и повернул в обратный путь.

Внезапно стало значительно темнее, словно солнце спряталось. Никола поглядел на небеса. Вроде все, как и в начале похода. Тут и сам лес изменился. Вместо светлого соснового бора перед грибниками было что-то невообразимое, темное. Просторные поляны исчезли. Под ногами оказался такой бурелом, что замаешься перелезть. Перестали звучать и птичьи голоса.

«Странно, но тут мы не были. Неужто, заблудились?»

Никола решил довериться чувству направления, которое еще ни разу ему не изменяло, и повернулся, как он считал, в сторону дома.

Однако, местность никак не желала меняться на знакомую. Мало того, бурелом становился все гуще. Перелезая через него, приходилось принимать больше и больше усилий. Многочисленные сучки то и дело норовили забраться под одежду, царапая и раздирая кожу.

Данилка захныкал, не перебравшись через очередной завал. Пришлось подхватить его на руки. Теперь невообразимо стала мешать полная корзина.

«Выбросить? Грибы уж шибко хорошие... Оставить? По всем буреломам не прорешься... Проблема».

Никола двинулся дальше. Оставленная возле валежины корзина печально и сиротливо смотрела вслед ему бурыми шляпками обабков.

Небеса затянуло тяжелыми, словно чугунными, тучами. Солнцу никак не удавалось проткнуться их ни едиными лучиком. Мрачные ели выстраивались перед грибниками практически непроницаемой стеной. Липкая паутина то и дело цеплялась за лица.

– Папка, мы заблудились?

– Нет, что ты... – Никола не мог признаться сыну, что потерял направление в изученном вдоль и поперек леске.

Но дорога никак не находилась. На глаза мужчины непроизвольно начали наворачиваться слезы.

«Этого еще только не хватало, – Никола крепче прижал Данилку к себе, – Не дай Бог сын увидит».

Снова потянулись бесконечные завалы.

– Хочу домой... – чуть не в голос заныл мальчишка.

– Сейчас пойдем, – неуверенно произнес отец.

– Ага, пойдем... Даже ни одной т'опинки не видно.

– А ты попроси у Хозяина Леса.

У мальчишки сразу высохли слезы. Глаза распахнулись во всю ширь.

– Как это?

– Примерно так же, как ты звал грибочки.

У Николы шевельнулся ничтожнейший лучик надежды.

«А вдруг Хозяин ребенка послушается. Грибы же ему выводил...»

– Хозяин леса, покажи нам до'огу домой, – тут же прозвучал дрожащий голосок ребенка.

Никола незаметно усмехнулся доверчивости мальчишки.

Совершенно неожиданно для мужчины что-то в окружающем пространстве неуловимо изменилось. Словно вернулись краски. Никола даже головой тряхнул. За очередным поваленным деревом под ноги неожиданно выскочила тропинка.

– Нич-чего себе, – еле слышно пробормотал Никола.

Где-то вдалеке слышались робкие трели птиц. Еле слышной барабанной дробью простучал невидимый дятел. Жизнь леса постепенно входила в привычное русло.

Впереди показалась человеческая фигура. Никола ускорил шаг, стремясь нагнать неожиданного попутчика. Вскоре удалось его разглядеть. Впереди, опираясь на причудливый посох, медленно двигался невысокий горбатый старичок. Андрей с облегчением перевел дух и еще прибавил шагу.

Напрасно...

Старичок ни на йоту не приблизился.

Никола недоуменно хмыкнул и еще прибавил по мере сил. Расстояние между стариком и грибниками не изменилось. Лишь прозвучал еле слышный ехидный смешок.

Впереди среди зеленых елочек показался долгожданный просвет. Никола рванулся к выходу из леса. О старике он и думать забыл. Опомнился, а того и нет.

«Куда ж девался?»

Отец и сын оказались на берегу Веснянки.

Но, где же Пихтовка?

Никола внимательно осмотрелся по сторонам. Вдалеке, верстах в пяти ниже по течению, реку пересекала темная черточка моста.

– Как мы сюда забрели? – почесал затылок Никола.

Совет

Сидеть дома тоскливо и противно. Особенно, когда на дворе последние денечки бабьего лета. Ребята все убежали к школе, гонять мяч на утоптанной площадке. Пытались они позвать и Данилку, но безуспешно. Мальчишка сидел дома – был наказан. И за что бы? Право, что не за что. Просто, не выполнил летнего задания по чтению. Ну, не прочитал книги из списка. Некогда было. Тут и сенокос, и огород – мало ли работы летом. А помощник-то один. Не хватало еще Аленку заставить работать. Мужик он или нет? Вот и помогал все лето. А там еще и рыбалка и ночное. Право слово – некогда эти самые книги читать. Да и брать-то их где? Единственное место – библиотека находилась аж в городе. Попробуй туда просто так доберись. А в деревне всего-то полторы книги, и те у попа местного. А как к нему идти? Да и смысла большого нет. Все равно, не те у него книги, что в школе задавали. Какие там книги у попа Данилка, конечно же не имел ни малейшего понятия. Не бывал он ни разочка в доме священника. Вот и вышло, что и в глаза не видел Данилка ни одной книги из школьного списка, а уж прочитать...

Учительница же Клавдия Иосифовна даже слушать не стала Данилкиных объяснений. Поставила большую жирную двойку. Из-за этой-то двойки отец и велел сидеть дома. Строго-настрога велел. Пока, говорит, не прочитаешь все, что положено, из избы не выйдешь. А как их сейчас прочитаешь?

Не успел Данилка и слова сказать в свое оправдание, как остался один в избе. А отец еще и дверь закрыл. Теперь уж точно никак не вырвешься.

Разве только в окно. Ремня все равно не избежать. А рука у отца шибко уж тяжелая. Опять же не зря говорится: семь бед – один ответ. В то же время отвечать не особо-то и хотелось. Причем, ни за любую из этих самых бед. Нет уж, лучше дома побуду.

Мальчишка тяжело вздохнул и уселся за стол возле окна. Тяжелые мысли о несправедливости взрослых наполняли его голову. Вроде бы, выслушай его, Данилку, учительница – и все было бы в порядке. Не было бы ни наказания, ни этого ощущения собственной беспомощности.

Все друзья-приятели далеко. Взрослые тоже куда-то подевались. Похоже, во всей деревне никого не осталось. Впечатление полного одиночества.

Он пробовал читать учебник, но строки расплывались, скрываясь в тумане подступающих слез обиды. Что уж там – читай, не читай – все равно ничего в голове не помещается. Только и остается, что в окно смотреть да горевать втихаря, дабы ни кто не увидел. Данилка отодвинул так и не читанный учебник в сторону и прижался лбом к оконному стеклу.

Изба – крайняя в деревне. Дальше – лес. Тот самый, исхоженный во время сбора грибов и ягод вдоль и поперек.

Что может быть необычного в знакомом до мельчайшей веточки лесу?

Данилка тоскливо положил голову на сложенные руки. Лес за окном утешающее качнул ветвями.

И вдруг, Данилка не поверил глазам – прямо на опушку выскочил заяц.

В самом появлении зайца нет ничего непривычного: частенько эти животные хозяйничают в огородах. Особенно зимой они готовы всю кору с яблонь объесть. Почему только в сказках зайцы почти всегда положительные персонажи?

Заяц, между тем, степенно уселся прямо на траве и закрутил головой, явно кого-то поджидая. Странное поведение. Данилка усилил наблюдение. Ожидание мальчишки увенчалось неожиданным успехом: следом за зайцем на опушку крадучись вышел волк.

– Сейчас начнется... – прошептал Данилка.

Он уже приготовился наблюдать за уже ставшей традиционной погоней. Однако, ничего такого не произошло: этот хищник, мирно кивнув, словно поздоровался, уселся напротив.

– Они разговаривают? – мальчишка даже дыхание затаил.– Обалдеть!

На этом дело не кончилось. Из зарослей незаметно выдвинулся огромный лось. Да так, что не шелохнулась почти не одна веточка. Сохатый махнул короной рогов в направлении деревни, словно спрашивая о людях.

Далее к этим троицам присоединились и другие жители леса.

Данилка глядел во все глаза, боясь шелохнуться: а вдруг малейшее движение спугнет зверей, и они разбегутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.